

Жа
P

Жан-Жак Руссо

Новая Элоиза, или Письма двух любовников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14979588

Аннотация

«Новая Элоиза, или Письма двух любовников» – самый известный роман французского мыслителя и прозаика Жан-Жака Руссо (франц. Jean-Jacque Rousseau, 1712-1778). *** Это сентиментальная история в письмах о любви прекрасной Юлии д'Этанж к своему учителю Сен-Пре. Мировую известность автору принесли произведения «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми, Сочиненное г. Ж. Ж. Руссо», «Руссовы письма о ботанике», «Семь писем к разным лицам о воспитании», «Философические уединенные прогулки Жан Жака Руссо, или Последняя его исповедь, писанная им самим», «Человек, будь человечен», «Общественный договор», пьеса «Пигмалион» и стихотворение «Fortune, de qui la main couronne». Жан-Жак Руссо прославился как выдающийся деятель эпохи Просвещения и человек широкого кругозора. Его сочинения по философии, ботанике и музыке глубоко ценятся современниками во Франции и во всем мире.

Содержание

Письмо I	4
Письмо II	7
Письмо III	8
Письмо IV	9
Письмо V	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Жан-Жак Руссо НОВАЯ ЭЛОИЗА, ИЛИ ПИСЬМА ДВУХ ЛЮБОВНИКОВ

Письмо I ОТ ГОСПОЖИ Д'ОРБЫ

Сколько мук причиняешь ты тем, которые тебя любят! Сколько слез заставляет проливать ненастное семейство, коего покой один ты возмущаешь! Бойся прибавить к нашим слезам траур: страшись, чтоб смерть огорченной матери не была последним действием яда, которой ты вливаешь в сердце ее дочери, и чтоб не позволенная любовь не стала, наконец, для самого тебя источником вечного раскаяния. Дружество заставляло меня сносить ваши заблуждения, до тех пор, пока некоторая тень надежды могла их питать; но как терпеть суетное постоянство, которое честь и рассудок отвергают, и которое не производя ничего более, как муки и несчастья, не заслуживает ли имени упрямства?

Тебе известно, каким образом тайна вашей страсти, скрываемая толь долго от подозрений тетки моей, открылась ей твоими письмами. Как чувствителен ни был такой удар сей нежной и добродетельной матери, однако она не столько огорчается на вас, как на саму себя, и не взыскивает ни на ком, кроме ослепленного своего нерадения; она оплакивает несчастную свою мечту; самая жестокая ее мука от того происходит, что она слишком почитала дочь свою; а печаль ее для Юлии есть сто раз горестнее укоризн наказание.

Нельзя вообразить уныния сей бедной сестры. Должно ее видеть, чтоб иметь о нем понятие. Сердце ее, кажется, задушено горестью, и чрезмерность чувствования, кои его угнетают, дают ей вид исступления ужаснее пронзающих воплей. Она стоит день и ночь на коленях в головах у своей матери, с унылым видом, с потупленными глазами, в глубоком молчании; и услуживая ей с большею, нежели когда-нибудь, прилежностью и живостью, впадает потом в минуту в такое ничтожное состояние, которое заставит всякого ее почестить за другую. Очень ясно, что только болезнь матери подкрепляет силы дочери; и если б желание служить не оживляло ее ревности, то погасшие глаза ее, бледность и безмерное уныние заставляли бы меня страшиться, что ей самой очень нужны все те попечения, которые она употребляет для матери. Тетушка тоже примечает, и я вижу по беспокойству, с каким она меня просит беречь здоровье своей дочери, сколько сердца их борются с принуждением, которое они себе налагают, и сколько ты достоин ненависти за возмущение столь прелестного союза.

Сие принуждение умножается еще старанием таить то от глаз вспыльчивого отца, от которого мать, трепещущая о жизни своей дочери, хочет скрыть сия опасную тайну; что налагает на них закон употреблять прежнее обхождение в его присутствии. Но если нежность матери пользуется с радостью сим предлогом, то смятенная дочь не смеет предать сердца своего ласкам, которые она притворными считает, и которые ей столь же мучительны, сколько бы они были сладки, если б она им смела верить. Получая их от отца, она смотрит на мать с таким нежным и униженным видом, что он открывает ее сердце, которое говорит ее глазами: ах! для чего я недостойна принимать тоже от тебя!

Госпожа д'Етанг много раз говорила со мной наедине; и я легко узнала по кротости ее выговоров, и по тому как она о тебе напоминала, что Юлия очень много старалась укротить против нас справедливое ее негодование, и что она ничего не щадила, чтоб оправдать на свой счет того и другого, самые письма твои содержат с изображением чрезвычайной любви,

и некоторый род извинения, что от ней не скрылось; она не столько упрекает тебя злоупотреблением своей доверенности, сколько себя за неосторожность, что тебе оную позволила: она тебя столько почитает, что не думает, чтоб кто другой на твоём месте мог более тебя сопротивляться; она взыскивает твои проступки на самой добродетели. Она теперь понимает, говорит она, что такое есть честность столь похваляемая, которая не препятствует ни мало честному человеку влюбленному развращать, если можно, непорочную девицу, и без угрызения бесчестить все семейство для удовлетворения минутной страсти. Но к чему служит напоминать прошедшее? Должно стараться скрыть под вечным покрывалом сию ужасную тайну; истребить се, если можно, даже до малейшего следа, и благодаришь небо, что не осталось чувствительного знака. Тайна хранится между верными особами. Спокойствие всего того, что было тебе любезно, жизнь отчаянной матери, честь почтенного дому, собственная твоя добродетель, все от тебя еще зависит; все тебе предписывает твою должность; ты можешь исправить зло причиненное тобою; ты можешь показать себя достойным Юлии и оправдать ее проступок, расставшись с нею навсегда; и ежели твое сердце меня не обмануло, то ему не осталось ничего более, как только важность такой жертвы, чтобы могло отвечать сей любви, которая ее требует. Утверждаясь на всегданнем моем почтении к твоим чувствам, и на том, что столь нежной союз должен умножишь их силу, я обещала твоим именем все то, что должен ты исполнишь и осмелюсь вывести меня из заблуждения, если я о тебе лишнее думала, или будь ныне таков, как ты быть должен. Тебе осталось принести в жертву твою любовницу или твою любовь одно другому, и показать себя самым слабым или добродетельнейшим из людей.

Сия несчастная мать хотела писать к тебе, она уже начинала. О Боже! сколько бы жестоких ударов терпел ты от горьких ее жалоб! Сколько бы ее трогаящие укоризны раздирали твое сердце! Каким бы стыдом униженные просьбы ее тебя пронзали! Я изорвала сие убийственное письмо, которого бы ты не снес: я не могла видеть сей верх ужаса, чтоб мать унижала себя перед обольстителем своей дочери, по крайней мере, ты того достоин, чтоб не употреблять с тобой таких способов, кои изысканы для смягчения чудовище, и которые могут уморить с печали чувствительного человека.

Если б тут было первое усилие, которого бы любовь от тебя требовала, я могла бы усомниться об успехе, и колебаться в принадлежащем тебе почтении. Но жертва, какую уже ты принес в честь Юлии, оставив сию землю, уверяет меня в том, что ты прервешь и бесполезное сношение, для ее спокойствия. Первые добродетельные действия всегда самые трудные; и ты никогда не захочешь потерять цены за преодоление, которое столько тебе стоило, упорствуя подкреплять тщетную переписку, коей следствия ужасны для твоей любовницы, которая вам обоим не приносит никакого облегчения, и ни к чему иному не служит, как только продолжает бесплодные мучения того и другого. Не сомневайся более, сия Юлия, которая тебе была всего милее, не должна уже больше быть ничем для того, кого столько она любила; тщетно ты скрываешь от себя свои несчастья: ты потерял ее с самой той минуты, как с нею расстался. Или лучше сказать, небо похитило ее у тебя прежде, нежели она отдалась тебе, ибо отец обещал ее другому от самого своего возвращения; а ты совершенно знаешь, что слово сего неумолимого человека непреложно.

Каким образом ты ни располагай себя, невидимой рок противится вашим желаниям, и ты никогда не будешь владеть ею.

Единый выбор остается тебе сделать, или ввергнуть ее в бездну несчастий и беславия, или почтить то, что в ней ты обожал, и возратить ей вместо потерянного благополучия благоразумие, спокойствие, и, по крайней мере, безопасность, которой пагубные ваши узы ее лишили.

Сколько б ты был опечален, сколько бы терзался жалостью, если б мог видеть настоящее состояние сего несчастного друга, и упадок, в какой привели ее стыд и угрызения!

Как цвет лица ее померк! В каком томлении ее приятности! Как все прелестные и сладкие ее чувствования погружаются в том только одном, что их снедает! Самое дружество в ней хладеет; едва ли уже разделяет она удовольствие, какое я нахожу ее видеть; и страждущее сердце ее не может ничего чувствовать, кроме любви и печали. Увы! куда девался сей характер, жаждущий любить и чувствительной, сей вкус столь чистой ко всему похвальному, сие столь нежное участие в горестях и утехах ближнего? Она еще, я признаюсь, искренна, великодушна, сострадательна; приятная привычка делать добро в ней не может истребиться, но то слепая только привычка, вкус без размышления. Она делает всё то же, но не с таким рвением; сии высокие чувствования ослабели, сей пламень божественный погас, сей ангел уже не что иное, как обыкновенная женщина. Ах! какую душу отнял ты у добродетели!

Письмо II К ГОСПОЖЕ Д'ЕТАНГ

Пронзен горестью, которая во всю жизнь мою будет продолжаться, я упадаю к вашим ногам, не с тем, чтоб приносишь вам мое раскаяние, которое не может происходить от моего сердца, но чтоб загладить невольное преступление, оставляя все то, что могло составить сладость моей жизни. Как никогда человеческие чувствования не уподоблялись тем, которые обожаемая ваша дочь во мне произвела, так никогда не бывало жертвы равной с тою, какую приношу я почтеннейшей из матерей: но Юлия совершенно научила меня жертвовать благополучием должности: она подала мне весьма мужественной в том пример, дабы хотя один раз я умел ей последовать. Если б для излечения ваших скорбей довольно было моей крови, я пролил бы ее в молчании, и жалел бы, что не мог показать вам кроме такого слабого опыта моей преданности; но разорвать сладчайший, совершенно непорочной, священной союз, какой только мог когда-нибудь соединять два сердца, ах! такое усилие, к которому вся вселенная не могла б меня принудить, вам только одной получить возможно!

Так, я даю слово жить в отдалении от ней столь долго, сколько вы определите; я удержу ее видеть и к ней писать; я клянусь в том вашими дражайшими днями, толь нужными к сохранению ее жизни. Я подвергаюсь, не без страху, но без роптания всему, что вам для ней и для меня повелеть угодно будет. Я скажу еще более: что ее благополучие может облегчить мою горесть, и я умру доволен, если вы изберете ей достойного ее супруга. Ах! только бы его сыскали, и чтоб он мне смел сказать: я лучше тебя любить умею! Тщетно будет он иметь все то, чего у меня не достает; если он не имеет сердца моего, он не будет иметь ничего для Юлии. Но я более не имею, как только честное и нежное сердце. Увы! я ничего больше не имею. Любовь, которая уравнивает всё, не возвышает человека, а одни только чувствования. Ах! если б я смел внимать моим к вам чувствам, сколько бы раз говоря с вами, язык мой произнес сладкое имя матери!

Удостоите поверить клятвам, которые не будут тщетны, и человеку, которой не сотворен обманывать. Ежели я некогда мог во зло употребить ваше почтение, то я первому изменил самому себе. Сердце мое без испытания, не узнало прежде опасности как тогда уже, когда поздно было от нее избегнуть; и когда еще я не научился от вашей дочери жестокому искусству побеждать любовь самую любовью, которому потом она меня так совершенно научила. Истребите ваши страхи, я о том вас умоляю. Если кто на свете, кому бы ее спокойствие, ее благоденствие, ее честь были дороже, как мне? Нет, мое слово и мое сердце вам поруки в обязательстве, которое я даю именем моего знаменитого друга, и моим собственным. Никакая нескромность, будьте в том удостоверены, употреблена не будет, и я испущу последний вздох, не показав, какая печаль дни мои скончала. Утишите же снедающую вас горесть, от которой во мне она еще более умножается: отрите слезы, которые из меня вырывают душу; восстановите свое здоровье; возвратите нежнейшей дочери благополучие, от которого она для вас отказалась; будьте и сами счастливы ею: живите, наконец, чтоб заставить ее любить жизнь. Ах! невзирая на заблуждения любви, быть матерью Юлии, есть еще участь столь приятная, чтоб веселишься жизнью!

Письмо III К ГОСПОЖЕ Д'ОРБЕ *прилагая к ней предыдущее*

Возьми, жестокая, вот мой ответ. Читая его, утопай в слезах, если ты знаешь мое сердце, и если твое еще может чувствовать; но пуще всего не обременяй меня более сим немилосердным почтением, которое продаешь ты мне так дорого к мучению моей жизни.

Твоя ли варварская рука дерзнула разорвать сии сладкие узы, утвержденные в твоих глазах почти из детства, и в чем твое дружество, казалось, участвовало с таким удовольствием? Я уже столько несчастлив, как ты хотела, и сколько я могу быть. Но знаешь ли ты все зло, которое ты делаешь? Чувствуешь ли ты совершенно, что ты вырываешь у меня душу, что то, чего ты меня лишаешь, ненаградимо, и что легче сто раз умереть, нежели жить не друг для друга? Почто ты говорить мне о Юлином благополучии? Может ли оно быть без сердечного удовольствия? Почто ты говоришь мне о опасности ее матери? Ах! что значит жизнь матери, моя, твоя, и даже ее самой? Что значит существование целого света в сравнении с сладчайшими чувствами, кон нас соединяли? Безрассудная и свирепая добродетель! Я повинуюсь жестокому твоему голосу; и ненавидя тебя, все для тебя делаю. Что приносят суетные твои утешения против лютейших мук душевных? Исчезни печальной идол несчастных, ты только умножаешь их бедствия, отнимая последнее прибежище, оставленное им счастьем. Я повинуюсь однако ж; так, жестокая, я повинуюсь: я сделаюсь, будет можно, нечувствителен и свиреп как ты; я позабуду всё, что было любезно мне на свете; я не хочу больше слышать ни произносить имени Юлии и твоего. Я не хочу больше приводить несносного о том воспоминания. Досада и непреодолимая злоба ожесточают меня против толиких превратностей. Непреклонное упорство займет во мне место мужества: дорого стоило мне быть чувствительным; лучше отказаться от человечества.

Письмо IV ОТ ГОСПОЖИ Д'ОРБЕ

Ты написал ко мне отчаянное письмо; но оно показывает столько любви и добродетели в твоём поведении, что тем заглаживается горесть твоих жалоб: ты столько великодушен, что нельзя осмелиться тебя бранить. При всей вспыльчивости, когда так умеют жертвовать собою тому, что любят, тогда заслуживают более похвалы, нежели укоризны; и не взирая на твои брани, ты никогда мне не был столь любезен, как с тех пор, когда я узнала все, чего ты стоишь.

Благодари сию добродетель, которую ты чаешь ненавидеть, и которая для тебя делает больше самой твоей любви. Нет никого, даже до тетки, кою бы ты не пленил приношением, которого она чувствует всю цену. Она не могла прочесть твоего письма без жалости; она даже имела слабость показать его своей дочери; и насилие, какое делала бедная Юлия при сем чтении, чтоб удержать, свои вздохи и слезы, повергло ее в обморок.

Сия нежная мать, которую твои письма уже и так сильно поразили, начинает познавать по всему, что она видит, сколько ваши сердца выходят из общих правил, и что ваша любовь носит черты врожденной склонности, чего ни время, ни человеческие старания истребить не могут. Она, которой столь нужно самой утешение, охотно утешала бы дочь свою, если б от того не удерживала ее благопристойность; и я очень вижу, что она сама больше готова сделаться ее поверенною, вместо того чтоб не простить меня зато, что я была оною. Вчера не могла она удержаться и в ее присутствии, чтоб не сказать, может быть несколько и нескромно: ах! ежели бы только от меня зависело... хотя она остановилась и не окончила, однако я видела по тому, с какой горячностью Юлия поцеловала ее руку, что она то очень разумела. Я знаю также, что много раз она хотела говорить своему непреклонному супругу; но, может быть, опасность подвергнуть дочь свою ярости раздраженного отца, или собственный страх удерживали от того всегда по ее застенчивости; а слабость ее и страдания умножаются так чувствительно, что я боюсь увидеть ее прежде не в состоянии исполнить свое намерение, нежели она его хорошо расположит.

Как бы то ни было, невзирая на проступки, коих ты причиною, сия честность сердца, которая чувствуется в вашей взаимной любви, дает ей такое о вас мнение, что она полагается на ваше слово о пресечении вашей переписки, и не берет никакой предосторожности, чтоб примечать за дочерью прилежнее. Действительно, если б Юлия не соответствовала ее доверенности, то она была бы не достойна ее попечений, и надлежало б вас обеих удушить, если б вы еще были в состоянии обманывать лучшую из матерей, и во зло употреблять почтение, которое она к вам имеет.

Я не ищущу возобновить в сердце твоём надежду, которой я сама не имею; но хочу показать тебе, как справедливо то, что которое мнение честнее, то и благоразумнее, и ежели еще может оставаться вашей любви некоторое прибежище, то оно состоит в жертвах, налагаемых вам честью и рассудком. Мать, родня, друзья, всё теперь на вашей стороне, кроме отца, которого может склонить сей общий голос, или уже все для вас погибло. Каковы бы ни были твои заклинания, которые минута отчаяния тебе внушила, однако ты нам сто раз доказал, что нет надежнее пути к благополучию, как путь добродетели. Если достигают до нее, она делает сей путь чистым, твердым и приятнейшим, если же и не удастся, то она может одна наградить все утраты. Прими же прежнее свое мужество, будь опять сам собою. Если я хорошо знала твое сердце, то самой жестокой способ для тебя потерять Юлию, есть тот, чтоб быть недостойным получить ее.

Письмо V ОТ ЮЛИИ

Ее уж больше нет. Глаза мои видели, как ее сомкнулись вечно; уста мои приняли последний ее вздох; мое имя было последнее слово ею произнесенное; последний взгляд ее на меня обратился. Нет, не жизнь то была, что она, казалось, оставляла; я очень мало ее умела сделать ей приятною; а казалось, что от меня одной она отторгалась. Она видела меня без руководства и без надежды, обремененную несчастиями и проступками: умереть для нее было ничто, и ее сердце ни о чем больше не стеноло как о том, что покидало дочь в таком состоянии. Справедливую имела она причину. Чего было жалеть ей на земли? Что могло здесь стоять в глазах ее бессмертного воздаяния, ожидающего ее в небесах, за ее кротость и добродетели? Что ей было делать в свете, как только оплакивать мое посрамление?

Душа чистая и непорочная, достойная супруга, и мать беспримерная, ты живешь ныне в селении славы и блаженства; ты живешь, а я преданная раскаяниям и отчаянию, лишенная на всегда твоих попечений, твоих советов, твоих нежных ласк, я умерла уже для благополучия, для спокойствия, для невинности! Я ничего более не чувствую, как твою утрату; я ничего кроме стыда моего не вижу; жизнь моя не что иное, как только мука и печаль. О мать, нежная мать моя; увы, я больше тебя мертва!

Боже мой! какой восторг заблуждает несчастную, и заставляет забывать, на что я решилась? Перед кем я проливаю мои слезы и стенания? Перед тем жестоким, который их причинил? С тем, кто творец несчастий моей жизни, я смею их оплакивать? Так, так, бесчеловечный, разделяй мучения, которые ты меня терпеть заставил. От тебя пронзила я грудь матери, стени от мук нанесенных мне тобою, и чувствуй со мной ужас отцеубийства, которого ты был виновник. Чьим глазам я смею показаться, быв столь презренна? Кому открою мою низость, в удовлетворение моих угрызений? Кто другой, кроме сообщника в моем преступлении, может так знать их? Самая несносная казнь моя быть обвиняемой только своим сердцем, и видеть, что приписывают еще добродетельным чувствованиям порочные слезы, которые нестерпимое раскаяние извлекает. Я видела, я видела с трепетом, как ядовитая скорбь отравляла последние дни огорченной моей матери и ускоряла ее смертью. Тщетно жалость ее ко мне удерживала признаться; тщетно хотела она приписывать умножение своей болезни произведшей ее причине; напрасно Клера старалась подтверждать тоже. Ничто не могло обмануть моего сердца терзаемого тоской: и к вечному мученью моему, я не истреблю до гроба ужасной мысли, что я сократила жизнь той, которой я должна своею.

О ты, которого небо наслало в своем гневе, чтоб сделать меня ненастной и виновною, прими в последний раз в свои недра слезы, коих ты творец. Я не прихожу более как прежде, разделять с тобой горести, которые нам были общи; прими вздохи последнего прощанья, которые вырываются против моей воли. Все уже свершилось; власть любви исчезла в душе, преданной единому отчаянию: я посвящаю остаток дней моих на то, чтоб оплакивать достойнейшую мать; я принесу ей в жертву те чувствования, которые стоили ей жизни; я буду весьма благополучна, когда сей победой могу загладить все то, что они заставили ее терпеть. Ах! если бессмертный дух ее может проникнуть в глубину моего сердца, он увидит, что жертва мною ему приносимая, не во все его не достойна. Разделяй усилие, которое ты сделал мне необходимым. Если еще в тебе осталось некоторое почтение к памяти сколь сладкого, столь и вредного союза, им я тебя заклинаю убежать меня навсегда, не писать ко мне более, не ожесточать моих угрызений, и дать мне позабыть, буде то можно, что мы были друг для друга. Да глаза мои тебя больше не увидят; да не услышу я больше твоего имени; да воспоминание о тебе не возмутит моего сердца. Я смею говорить еще именем любви, кото-

рая не должна уже существовать: к толиким причинам к сокрушению не прибавь еще, чтоб я увидела презренными последние ее просьбы. Прости же в последний раз, единственный и любезный... Ах, безрассудная!.. Прости навеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.